
ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА
[6] 2012
РОМАН АДАМА ФОУЛДЗА
«УСКОРЯЮЩИЙСЯ ЛАБИРИНТ»
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ:
«УСТРОЕНИЕ САДОВ» ЦЗИ ЧЭНА

Вера Саудкова - племянница Кафки

Мариуш Щигел, Вера Саудкова, Гана Бенешова

Аннотация
Вера Саудкова — племянница Кафки
Мариуш Щигел
Гана Бенешова. Кровь Кафки: Вера Саудкова.
Интервью

Аннотация

В 2006 году в Польше вышла книга репортера Мариуша Щигела «Готтленд». Среди прочих сюжетов, связанных с недавним чехословацким прошлым и чешским настоящим, есть небольшой рассказ о неудавшейся попытке автора взять интервью у одной удивительной женщины — Веры Саудковой, племянницы Франца Кафки. Журналистка еженедельника «Рефлекс» Гана Бенешова была более удачлива, чем ее польские и даже американские коллеги, — девяностолетняя Вера С. согласилась поделиться с ней воспоминаниями о своей жизни…

Полина Козеренко

Вера Саудкова — племянница Кафки

Мариуш Щигел

Закончив работу над «Готтлендом»[1], я сразу же приготовил гамбургер. Он должен был получиться небольшим, в меру аппетитным и быстрым в употреблении. В какой бы стране его ни подавали (стандарт — святое Макправило), главное, чтобы он легко усваивался. Не все авторы знают, что после издания книги приготовление гамбургера — срочнейшее дело.

— Возможно, ты написал стоящую вещь, может быть, даже использовал там слова типа «Кафка», но помни, что книга — это шоу-бизнес, — объяснял мне коллега с телевидения. — Тебе необходимо сформулировать ее содержание в трех эффектных фразах. Таких, которые будут понятны везде, в каждой культуре.

Мой гамбургер, соответственно, выглядел так: «Я написал книгу о том, что кто-то или что-то превращает людей в насекомых и как люди на это реагируют. От тотального смирения и прямо-таки шизофренического приспособленчества

[1] Примечания: 1

См. «ИЛ», 2009, № 1; полностью книга вышла в издательстве «Новое литературное обозрение» (2009).

вплоть до полной отрешенности и самоубийства». Вот и все.

Если авторский вечер проходил в современном книжном магазине Милана или альтернативном клубе Москвы, я предварял свой гамбургер небольшой изысканной закуской. Звучала она так: «Обращаясь к ‘Превращению’ Франца Кафки…» В результате разговор вскоре обретал кафкианский дух, «который пронизывает все повествование». К тому же в моей книге есть раздел, посвященный до сих пор живущей в Праге (тогда 84-летней) племяннице Кафки, дочери его любимой сестры Оттлы.

Когда пражские кафе имитируют кафе, в которых бывал Кафка, и выглядят так, словно он только что оттуда вышел, хотя они открылись после 2000 года, когда дома, в котором он родился, уже не существует, а стоящий на том же месте новодел безнаказанно его изображает, только Вера С. — не имитация. Госпожа Неимитация живет на шестом этаже дома в центре города.

Мне удалось попасть в ее прихожую в 2004 году. Она не пожелала разговаривать. (Знакомая чешская документалистка сказала мне, что Вера С. очень недоверчива.) Она никогда не давала интервью. Даже американцам не удалось купить

ее откровений. Когда я стоял перед ней, переминаясь с ноги на ногу, и просил разрешения взять интервью, она ответила: «Пожалуйста, пришлите мне письмо и объясните, о чем вы хотели бы поговорить. Я отвечу в положенный срок».

Когда, несмотря на подобный ответ, мне удалось задать ей один вопрос («Каково вам в XXI веке?»), она вновь ответила: «Пожалуйста, пришлите мне письмо. Я отвечу в положенный срок».

Интервью так и не состоялось. Зато у меня появился гениальный сюжет.

В результате того визита подсознательно родилась удачная формула: племянница Кафки не может быть обыкновенной женщиной, она должна быть кафкианским персонажем. Отказывая в интервью и требуя написать ей письмо, Вера С. идеально вписалась в кафковскую парадигму — тщетное ожидание.

Когда книга выходила за пределами Польши, во всех странах Вера С. неизменно служила издателям (теша мое тщеславие) небольшой жемчужинкой. В прессе подчеркивали, что «на страницах книги ‘Готтленд’ среди прочих появляется таинственная фигура племянницы Кафки, которую автор навещает у нее дома». Для книги о

чехах и Чехословакии рассказ о живущей в Праге загадочной племяннице был бесценен (особенно, если учесть, что коммунистическая Чехословакия служила доказательством тому, что Кафка был писателем реалистическим).

Как видите, даже отказав в интервью, она преподнесла мне подарок.

Поэтому я присвоил себе Веру С. и подарил ей с полсотни фраз. Она начала функционировать (у меня в голове и в историях, которые я рассказывал на авторских встречах) как завершенный сюжет.

Со времени моего визита я из года в год поглядывал на ее дом с волнением. Иногда звонил в домофон. Никто не отвечал. Сначала, учитывая ее возраст, я думал, что пани Вера перебралась в один из домов престарелых. По прошествии нескольких лет мне показалось естественным, что она должна была скончаться. Это странным образом меня успокоило — Вера С. принадлежала теперь только мне, никто не мог ее у меня украсть. Она была пленена раз и навсегда, как насекомое в янтаре. А янтарь был мой!

Однако ни один рассказ, если он правдивый, не может быть завершенным. Даже тот, который рассказывался уже тысячу раз.

Вера С. жива и в возрасте до лет дала первое большое интервью. Но не мне! К тому же беседовала она, куря сигарету. (Сказала, что курит уже 81 год, то есть с девятилетнего возраста.) В Чехии это стало событием. Чешский еженедельник «Рефлекс», напечатавший интервью, начал с того, что рассказал, как мне не удалось поговорить с Верой Саудковой.

Счастливица, которой племянница Кафки дала интервью, — Гана Бенешова, автор блестящего репортажного сериала «Чешские судьбы». Гана говорит, что все получилось на удивление просто.

Журналистка попросила пани Веру дать ей интервью. Та отказала, как и всем остальным. Но Гана по прошествии четырех лет отправила ей письмо, где написала, о чем именно хотела бы поговорить. Через несколько дней пришел положительный ответ. Гана Бенешова, ты гигант! Ведь Вера С. недвусмысленно сказала мне: «Пожалуйста, пришлите мне письмо. Я отвечу в положенный срок».

Но Господь не подсказал: «Ицек, дай мне шанс. Купи лотерейный билет».

Гана Бенешова. Кровь Кафки: Вера Саудкова. Интервью

Гана Бенешова. Распродажа на аукционе в середине апреля ста одиннадцати писем и открыток, которые Франц Кафка писал своей любимой сестре, вашей маме, так и не состоялась.

Вера Саудкова. Я узнала об этом через неделю после моего девяностолетнего юбилея. У меня камень с души свалился: письма не попадут в руки какого-нибудь спекулянта! Мы все чрезвычайно рады, что их купят Оксфордская библиотека и Марбахский литературный архив.

Г. Б. Часто ли мама перечитывала письма от своего старшего брата Франца?

В.С. Возможно — когда я была еще маленькой. В период протектората[2] у нее были совершенно другие заботы, нежели перебирать коробку с письмами. Мы то и дело кому-то помогали собирать вещи в концлагерь. Постоянно добывали

---

[2] Примечания: 2

Протекторат Богемии и Моравии — государственное образование, учрежденное указом Гитлера 15 марта 1939 г. на оккупированных территориях Богемии, Моравии и Силезии, населенных этническими чехами. Просуществовало до конца Второй мировой войны. (Здесь и далее — прим. перев.)

котелки — во всей Праге они были распроданы.

Г. Б. Где до сих пор хранилась корреспонденция?

В.С. Сначала у мамы, а после войны большой конверт с письмами мне передал отец. Время от времени я с волнением их читала. Но я опасалась, что письма могут украсть, поэтому попросила свою двоюродную сестру Марианну поместить их на хранение в Оксфорд. Я полагала, что там они будут в безопасности. Однако библиотека со временем решила, что мы ей эти письма дарим, и не спешила их покупать. Сын вел с ними продолжительные переговоры. Я рада, что все так закончилось.

Г. Б. Сталкивались ли вы в социалистической Чехословакии с завистью: ведь ваш всемирно известный родственник пополнял семейный доход?

В.С. Кафка издавался по всему миру, но, что касалось отчислений наследникам — тут социалистическая Чехословакия показала свое истинное лицо. Через агентство по авторским правам «Дилия» мы с сестрой однажды получили 160 крон, в следующий раз 600… Мы приносили сотруднице агентства коробку конфет, подписывали документы и шли в кафе. Сложно угадать,

каковы были подлинные гонорары.

Г. Б. Какая из его книг вам нравится?

В.С.Я прочитала все. Читая, всегда корю себя, что меня это мало задевает или что я вижу в книге не то, что написал Кафка. Мне неприятно, что я не понимаю его так, как должна бы. Вообще-то, я не встречала чешского читателя, который бы сбрендил от восторга на почве его произведений. Всеобщее безумие, окружающее фигуру Кафки, мне отвратительно.

Г. Б. Наверное, почитатели Кафки постоянно вас разыскивают.

В.С. На одной конференции ко мне подошел незнакомый мужчина, положил руку на плечо и, заикаясь, произнес: «Позвольте коснуться плеча, под которым течет эта кровь! Кровь Кафки!» Мне стало не по себе, и я убежала. Однажды, к примеру, некий ученый вполне серьезно спрашивал меня, не страдал ли Кафка недержанием мочи.

Г. Б. И что вы ему ответили?

В.С. «Мне это неизвестно. В нашей семье о таких вещах не говорили». Внимание кафковедов сопровождает меня всю жизнь. И поверьте — в этом нет ничего приятного. К тому же что я могу рассказать о Кафке? Ведь он умер, когда мне было три года.

Г. Б. То есть в вашей памяти совсем ничего не осталось?

В.С.Смутно припоминаю: симпатичный, доброжелательный, улыбающийся… Моя мама тоже всегда говорила о нем как о человеке добром, остроумном и веселом. Мне нравилось, когда она рассказывала, как он ходил писать в домик, который она сняла на Золотой улочке. Сестры боготворили Франца. Тетя Элли мне говорила, что я похожа на дядю. «Вся во Франца, вся во Франца», — повторяла она. Мне было восемь, я стояла в ванне и меня распирало от гордости, когда я это слышала.

Г. Б. Ваша мама читала книги своего брата?

В.С. Не знаю. Мама не особенно много читала. А вот дедушка, Герман Кафка, книг сына вообще не признавал — бумагомараньем настоящему мужчине на хлеб не заработать. Когда Франц принес ему свою первую книгу, дедушка якобы сказал: «Положи на мой ночной столик». В нашей семье это была крылатая фраза. Еще одна семейная присказка гласила: «Nicht vor dem Vater — главное, не при отце». Плохие отметки, разбитое колено — всякое могло случиться, но «nicht vor dem Vater». Бабушка Юлия старалась не давать дедушке поводов для гнева. Когда она чувствова-

ла: все идет к тому, что я собираюсь похвастаться какой-либо проказой, то незаметно подавала мне знак и шептала испытанное заклинание.

Г. Б. Ваш сын Войтех несколько лет назад заново перевел «Письмо отцу» Кафки, выбрав обращение «милый папа» вместо «дорогой отец».

В.С. Кафковеды по этому поводу страшно кипятились, хотя один выдающийся германист признал правоту Войтеха. Войтех перевел верно. Насколько я помню, в семье говорилось или «Vater», или «папа». «Отец» никто бы не сказал.

Г. Б. Отец Кафки действительно производил такое грозное впечатление, как это следует из известного письма Франца?

В.С. Я никогда не видела его в ярости, но орать он, без сомнения, умел. Однако ни разу не поднял руки на своих детей. Он обожал их и гордился ими. Все вспоминали о нем с любовью. Несколько лет назад каким-то горе-специалистам взбрело в голову, что дедушка был грубияном и скрягой. Ерунда! Если бы он хотел приспособить Франца к семейному бизнесу, то не позволил бы ему изучать право, а сразу поставил за прилавок.

Г. Б. Но строгим он все-таки был.

В.С. Мы с мамой ходили за покупками к торговцам, которые у дедушки выучились, а потом

открыли собственное дело. Они рассказывали, что хозяин был строг, но справедлив. Требовал усердия и аккуратности. Когда стало ясно, что торговца из Франца не получится, дедушка продал свой галантерейный магазин на Староместской площади и купил трем дочерям дом на Вилковой улице в Старом городе.

Г. Б. Чем он занимался после этого?

В.С.Постоянно высчитывал, выгодно ли продал магазин и по хорошей ли цене купил дом. Дедушка толком не умел ни читать, ни писать, но был математическим гением. За обедом развлекал нас, внуков, тем, что свободно складывал в уме семь многозначных чисел. Мы старались давать ему сложные примеры, но едва успевали произнести последнюю цифру, как он уже выдавал результат.

Г. Б. Показывал ли он внукам, как в свое время детям, шрамы от обморожений?

В.С.Когда кто-то из нас ныл, что не может доесть суп, он засучивал штанину и показывал шрамы. Напоминал, что мы должны ценить все, что у нас есть. Дедушка сделал колоссальную карьеру — из коммивояжера своим трудом превратился во владельца магазина оптовой торговли. Он родился пятым ребенком в семье еврейского мясника

из Большого Осека и с малых лет вынужден был помогать зарабатывать на жизнь — продавал по окрестным деревням шпильки, ленты, булавки. Ходил босиком, вот и отморозил ноги.

Г. Б. Вам нравилось навещать дедушку с бабушкой?

В.С. Очень. У них вкусно готовили, я обожала их отменные белые соусы. На праздники подавали мацу и яблочный компот. Дома у них говорили так же, как и в других пражских еврейских семьях, — по-чешски, вставляя немецкие выражения. Дедушка радовался, когда мы собирались все вместе. У него было шесть внучек — Герта, Лотти, Марианна, Ханна, Геленка и я — и один-единственный внук, Феликс. Когда у тети Элли родился Феликс, дедушка был на седьмом небе от счастья. Это было непривычно — дедушка ради семьи был готов на все, но ни с кем особо не нежничал, а наоборот, над всеми подшучивал. Дедушка умер, когда мне было десять. Бабушка — через три года. Им повезло: они умерли в своей постели. Три сестры Кафки — Элинка, Валинка и моя мама — погибли в концлагере. Нацисты убили и Феликса, и мою любимую кузину Ханну.

Г. Б. Вас и вашу сестру от концлагеря спасло то, что ваш отец был арийцем. А где ваши родители

познакомились?

В.С. В Хотковых садах, в Праге. Мама ходила туда гулять с сестрами и гувернанткой. Папе она понравилась, потому что напоминала ему одну актрису. Папа изучал право, у него была императорская стипендия, а чтобы немного подзаработать, он сопровождал показы немых фильмов игрой на пианино. Когда он увидел барышню Кафкову, то подсунул ей записку с приглашением на свидание. У мамы не было при себе карандаша, время встречи она нацарапала на бумаге булавкой. Потом разразилась Первая мировая война, папа писал с итальянского фронта любовные письма. После войны они поженились — по любви, однако брак был неудачный. Очень уж несхожие у них были характеры, да и происхождение тоже.

Г. Б.Каким был ваш отец?

В.С. Папа был патриот, сокол[3] из бедной семьи. Его отец, Антонин Давид, был церковным сторожем в храме Святого Вита. Дедушка был простым необразованным человеком. Ненавидел евреев и немцев, как и его жена — бабушка Мария. С тех

[3] Примечания: 3

Сокол — член молодежного спортивно-патриотического объединения «Сокол», основанного в 1862 г. в Праге и продолжающего (с перерывами) функционировать до сих пор.

пор как однажды — уже во время протектората — она погрозила пальцем и сказала: «Жиды это заслужили, они онемечились», — больше я к ним не приходила. Им, должно быть, нелегко было перенести, что единственный сын женился на еврейке. У папы был сложный характер. Он был вспыльчив и сварлив. В приступе гнева крушил все, что попадалось под руку. Краснел, на лбу набухала жила. Однажды его разозлило, что я плохо играю на пианино. Он захлопнул крышку инструмента — прямо мне по пальцам, а потом два часа рыдал и раскаивался в содеянном… Он был ужасно экономным, мама обязана была записывать каждую покупку, а папа вечером проверял, сколько потрачено. Когда я чистила картошку, он всегда заглядывал в мусорное ведро — даже заплесневелые картофелины надо было обрезать, а не выбрасывать. Папа вечно был чем-то недоволен. В семь часов вечера ходил пить пиво. Мы ждали, пока за ним закроется дверь, и с облегчением вздыхали.

Г. Б. Франц Кафка о своей младшей сестре — вашей маме — восторженно написал, что она «искренна, честна, последовательна… кротость и гордость, впечатлительность и стойкость, самоотверженность и самостоятельность, робость и

смелость в равной мере».

В.С.Когда мы с сестрой были маленькими, мы думали, что 28 октября[4] флаги развеваются в честь нашей мамы, которая отмечала день рождения днем позже, чем республика. Мама у нас была замечательная. Добрая, теплая, ласковая. Ее сестры Валли и Элли были нежными созданиями, а мама — решительной и энергичной. Умела настоять на своем. Например, во время Первой мировой войны убедила дедушку, что будет присматривать за имением брата ее зятя в деревне Сиржем. Подумывала, не отправиться ли в Палестину. Советовала Францу, который был вегетарианцем, чтобы тот поберег здоровье и вновь начал есть мясо, а его обязательство она возьмет на себя. И перестала есть мясо, а ей так его хотелось! Свой обет она соблюдала и после смерти Кафки. Когда мы заходили в колбасный магазин, Геленка съедала сосиску, я тоже, а мама даже не притрагивалась. Она водила к нам домой обедать бедняков с улицы, но от папы приходилось прятать их в каморку для прислуги.

Г. Б. Как вы отмечали Рождество?

В.С.Комната, в которой раздавали подарки,

[4] Примечания: 4

28 октября 1918 г. — день провозглашения Чехословацкой Республики.

была два дня заперта на ключ, который папа носил с собой. Он закрывался там и наряжал елку высотой до самого потолка. Иногда за ним проскальзывал наш фокстерьер и разбивал одну из драгоценных игрушек. Ну и скандал же был! В сочельник в шесть вечера приходила моя двоюродная сестра Ханночка Германова, которая жила этажом выше, и ей вручали подарок от Иисуса[5] — как-то раз это была кукла. Она же, в свою очередь, брала меня с собой в еврейскую общину, где на Хануку раввин раздавал детям сладости. Иисусу было все равно, еврей ты или не еврей, раввин тоже не спрашивал, но для папы это имело значение. Однако Ханночка, которая была старше меня на полтора года, была моей лучшей подругой, и невозможно было мне дать подарок, а ей нет. Мою куклу звали Марушка, Ханночка дала своей имя Руженка. Моя сестра Геленка называла свою куклу Пиделия.

Г. Б. Куда вы ездили отдыхать?

В.С.Я ездила в лагеря, которые устраивала Бела Фридлендерова[6]. Мы с Геленкой ходили к ней в

---

[5] Примечания: 5

В Чехии на Рождество подарки приносит младенец Иисус.

[6] Примечания: 6

Бела Фридлендерова — известная спортсменка, организатор физкультурных и гимнастических курсов, в основном для девушек и женщин.

гостиницу «АХА» на шведскую гимнастику. Папа, сокол-инструктор, хотел, чтобы мы вступили в ряды соколов, но мама посчитала, что для девочек больше подходит гимнастика. Когда я была классе в шестом, папа купил загородный дом недалеко от Храста-на-Сазаве. Я ненавидела туда ездить. Соколы, чьи летние лагеря находились там же, косо поглядывали на маму. Занятия у Белы Фридлендеровой очень мне помогли во время войны. Когда закрыли высшие учебные заведения, Бела взяла меня на работу инструктором. Вам не помешает, если я закурю?

Г. Б. Вам все еще нравится вкус сигарет?

В.С. Я курю с девяти лет.

Г. Б. Не верю.

В.С. А это так. Когда мне было девять, родители решили, что могут меня послать за папиросами для папы. Он курил «египетские». Оставшуюся крону позволили взять себе. На нее я купила десяток сигарет «Зора». Закашлялась, но твердо решила, что выдержу, — хотела выглядеть так же современно, как Марлен Дитрих и Грета Гарбо. С кузиной Ханной мы ходили на их фильмы в кинотеатр «У Вейвод».

Г. Б. Дома никто не догадался?

В.С. Я курила по дороге из школы, а потом

закусывала зубной пастой, которую носила в кармане. Маме не могло прийти в голову, что ее примерная Верушка покуривает. Когда во время протектората, будучи гимназисткой, на нашем газетном киоске я увидела надпись «Deutsche Frau raucht nicht» (немецкая женщина не курит), то начала курить с еще большим пылом.

Г. Б. Кем вы хотели стать?

В.С. У нас дома говорили: Верка хорошо учится, пойдет в университет, а Геленка станет хорошей домохозяйкой. А видите: я родила пятерых детей, а моя сестра стала врачом. Но, кажется, училась я и вправду хорошо, иначе моей учительнице в начальной школе на Угольном рынке не пришло бы в голову, что в реальную гимназию на Душной улице я могу пойти на год раньше — уже после четвертого класса. Однако экзамены я в итоге полностью провалила. До сих пор помню, что в предложении «Жнецы точили косы, а на лугу пели дрозды» насажала несколько грубых ошибок. Увидев это, учительница воскликнула: «Это писала не Верушка!» — и благодаря ей меня взяли в гимназию. Я думала, что в наказание, потому что ко мне там обращались на «вы» и «Давидова». По окончании я поступила на философский факуль-

тет[7] — записалась на немецкий и французский языки. Получила зачетку и была на лекции, где Вацлав Черный[8] рассказывал об Аполлинере и его пятнадцатилетней любовнице. Потом немцы закрыли университеты.

Г. Б. Девятнадцатого сентября 1941 года евреев обязали носить желтую звезду. Месяц спустя ваши тети получили повестку в лагерь.

В.С. Тетя Элли и кузина Ханна с мужем уехали в гетто в Лодзь 21 октября, тетя Валли и дядя Йозеф отправились в том же направлении через десять дней. Мы помогали им собирать вещи, просидели с ними всю ночь. Вспоминали Франца, дедушку с бабушкой, уверяли друг друга, что, наверное, война скоро закончится. О том, куда они едут и что это может быть опасным, мы не говорили. Тетя Элли была бледна и плакала. Постоянно утешала себя, что с ее сыном Феликсом все в порядке, но как раз за день до отъезда ей пришла посылка. К Феликсову белью была приложена записка, сообщавшая, что он умер от тифа. Утром

---

[7] Примечания: 7

В Чехии филологические науки традиционно изучаются в рамках философского факультета.

[8] Примечания: 8

Вацлав Черный (1905–1987) — литературовед, писатель и переводчик. Деятель чешского антифашистского сопротивления. Противник коммунистического строя; один из подписавших «Хартию-77».

мы проводили их к сборному пункту у Дворца выставок. Больше мы их никогда не видели.

Г. Б. Дядя Кафки, врач Зигфрид Леви, лагерю предпочел добровольную смерть.

В.С. Зигфрид жил в нашем доме. Вечером мы с Геленкой пришли к нему и обнаружили, что он и не думал собираться. Мы ни о чем не спрашивали, а он ничего не объяснял. После полуночи мы оставили его одного. На рассвете вернулись. Он лежал на кровати, в бедре у него торчал шприц. Он еще дышал. Мы немного посидели с ним, а потом вызвали врача. Когда приехала «скорая», он уже был мертв.

Г. Б. Мама была вынуждена носить еврейскую звезду…

В.С. Она об этом не говорила. Когда я ходила на прогулку с нашим фокстерьером Белинкой, то специально надевала мамино пальто со звездой — в то время евреям уже запрещалось иметь собак.

Г. Б. Вы не боялись, что на вас донесут?

В.С. Нет. Я боялась, когда после покушения на

Гейдриха [9]полиция обыскивала дом за домом. В комнате нашей горничной нашли ее любовника. К счастью, полицейские только посмеялись и пошли дальше. Даже не проверили у него документы.

Г. Б. Вы говорили, что у вас был фокстерьер.

В.С. Сначала у нас была Пегги. Для ее щенков мама подыскала хороших хозяев. Через месяц, на всякий случай, она всех их обошла и обнаружила, что с одним щенком, Белинкой, плохо обращаются. И, не раздумывая, забрала его назад. Когда Пегги умерла, сторож в парке разрешил похоронить ее в клумбе за кустами. В могилку мама положила мячик. У моей мамы нет могилы. Она погибла в Освенциме. Я все думаю, каково это — задохнуться в газовой камере. Так умерла моя мама. Но никто не может мне на это ответить.

Г. Б. Не думайте об этом.

В.С. В Либоце[10], где мы в конце пятидесятых купили домик, кухню осаждали тучи муравьев. Я купила ДДТ, средство для уничтожения на-

---

[9] Примечания: 9

Рейнхард Гейдрих (1904–1942) — государственный деятель нацистской Германии, в 1941–1942 гг. рейхспротектор Богемии и Моравии. 27 мая 1942 г. был убит в результате покушения, спланированного чехословацким правительством в изгнании при участии Великобритании.

[10] Примечания: 10

Либоц — район на северо-западе Праги.

секомых, и обрызгала их. Они начали падать замертво — один за другим. Больше я никогда так не делала.

Г. Б. Упрекали ли вы отца, что, если бы он не развелся, то смог бы спасти жену?

В.С. Когда закончилась война, я каждый день ходила на Центральный вокзал и среди убогих, плешивых нищих искала маму. Думала, может, она забыла, как ее зовут и где она живет. Геленка искала ее рядом с домом… Позже я несколько раз набрасывалась на отца с упреками, что он виноват в маминой смерти. Он плакал.

Г. Б. Вы помирились?

В.С. Ну да. Со временем. Уже когда у меня родились дети. Папа любил ходить к нам в гости, он был счастлив, что у него много внуков, и ценил моего мужа.

Г. Б. Кому из ваших родителей принадлежала идея развестись?

В.С. Я уверена, что маме. Она знала, как сильно папа дорожит своим местом на службе. Он добился его потом и кровью. Даже в зрелые годы кричал во сне: ему снилось, что он провалил экзамен. Сначала родители не сказали нам о разводе. Мама осталась дома, но, когда звонили в дверь, пряталась за шкаф. Правда, кусочек платья

все равно торчал. Папа формально снял для себя комнату на нашей улице. В августе 42-го мама получила повестку в лагерь. Папа уверял нас: «Мама вернется…» Как сейчас вижу его вечером накануне маминого отъезда стоящим на балконе и старательно чистящим мамины кожаные сапожки. Это было, как бы лучше сказать… негероично. Утром мы с Геленкой проводили маму к пункту сбора и к папе больше не вернулись. Стали жить у одного знакомого, но Геленка была несовершеннолетней, поэтому ее папа отсудил.

Г. Б. Вы получили от мамы из Терезина[11] хоть какую-нибудь весточку?

В.С. Один молодой жандарм приносил нам мамины письма. Мы предлагали ему вознаграждение, но он ничего не брал, только однажды попросил черствого хлеба. Мама писала, что у нее все хорошо, что погода хорошая. Пыталась нас убедить, что ни в чем не испытывает недостатка. В каждом письме писала: «Передавайте привет вашей подружке Уа-уа». Это было прозвище папы, который, когда мы были маленькими, играл с нами в индейцев. Для мамы было крайне важно,

---

[11] Примечания: 11

Терезин — городок в северной Чехии, где во время Второй мировой войны нацисты основали гетто для временного содержания евреев, которых впоследствии отправляли в Аушвиц и другие лагеря смерти.

чтобы мы ни в чем его не укоряли, чтобы у него не было чувства вины. В последнем письме она пишет, что уезжает — записалась санитаркой к детям из Белостока. Немцы якобы собирались обменять детей, но сделка не состоялась. Санитарки и тысяча двести их подопечных были отправлены на смерть.

Г. Б. Со временем вы вышли замуж за мужчину, который во время войны предоставил вам убежище.

В.С. Мой первый муж, Карел Пройса, говорил, что был знаком с Кафкой. Когда он узнал, что мои родители развелись, то хотел жениться на сестре Франца — моей маме, чтобы ее спасти. Но это уже было невозможно. В итоге он женился на мне. Никакой любовью тут не пахло — казалось странным, что мы живем вместе, не расписавшись. Актер Театра на Виноградах, коллаборант Владимир Майер, рисовал мелом на наших дверях еврейскую звезду. Это он еще не подозревал, что в нашей Виноградской квартире в доме номер 5 по Коронной улице мы прячем мужниного друга,

писателя Иржи Вейля[12]. Вейль пришел к нам, после того как инсценировал самоубийство — на берегу Влтавы он оставил пальто и прощальное письмо.

Г. Б. Был ли автор романа «Жизнь со звездой» благодарен вам за то, как вы ради него рисковали?

В.С. Не особенно. Считал это само собой разумеющимся. Он не очень-то с нами считался, это было трудное сосуществование. К тому же после февральской бомбардировки Праги[13] к нам постоянно ходили проверять устойчивость дома, было страшно. Тогда я уже не преподавала у Белы, а была вынуждена работать в фермерском хозяйстве в районе Юлиска. Нас было одиннадцать девчонок, все полукровки. Старшей была актриса Люба Германова. С Любой в начале май-

---

[12] Примечания: 12

Иржи Вейль (1900–1959) — чешский журналист и писатель еврейского происхождения, поборник «литературы факта». Автор романов «Москва — граница» (1937), в котором отражена атмосфера подозрительности и шпиономании в Москве того времени, и «Жизнь со звездой» (1949) — во многом автобиографического повествования о судьбе еврея, ожидающего отправки в лагерь смерти.

[13] Примечания: 13

Бомбардировка оккупированной Праги 14 февраля 1945 г. ВВС США. Впоследствии руководство ВВС утверждало, что произошла ошибка: самолеты, летевшие бомбить Дрезден, сбились с курса.

ского восстания[14] мы пошли к зданию радио, но, услышав выстрелы, вернулись на Юлиску. И увидели латышей, которые нас караулили. Они висели на дереве.

Г. Б. Почему после войны вы не пошли учиться?

В.С. Мне было двадцать четыре года, и я собиралась разорвать брак, заключенный, чтобы избежать опасности. Об учебе и не думала, мне нужна была работа. Я получила место секретарши в Синдикате чешских писателей. Взвешивала кофе. УННРА[15] присылала писателям посылки с кофе, а в Синдикате его делили согласно внутренней иерархии: этому 100 граммов, тому 150. Больше всего кофе получал Незвал[16]. В Синдикате я познакомилась со своим вторым мужем, переводчиком Эриком Адольфом Саудеком, в то время театральным обозревателем газеты «Ли-

---

[14] Примечания: 14

Пражское восстание (5–8 мая 1945 г.) против немецких оккупантов и коллаборационистского правительства.

[15] Примечания: 15

Администрация ООН по оказанию помощи и реабилитации. Создана в 1943 г. для оказания помощи в районах, освобожденных от оккупантов; в Европе просуществовала до конца июня 1947 г.

[16] Примечания: 16

Витезслав Незвал (1900–1958) — поэт, писатель, драматург. Один из основателей чешского поэтизма и сюрреализма. После Второй мировой войны писал также в духе соцреализма.

дове новины». Он пригласил меня на премьеру мюзикла «Радуга Финиана», где играл знаменитый Ян Верих[17]. Публика безумствовала, стоило ему выйти на сцену. Я вспомнила, как наша горничная рыдала, когда в «Журнале для женщин и девушек» прочитала, что режиссер Восковец женился. Она учила нас с Геленкой песенкам из этого мюзикла, взяв слово, что мы никогда не будем петь при родителях песню «Жизнь — всего лишь случайность» из-за ее неприличного содержания. Дело в том, что слова «один раз ты внизу, а другой — наверху» она поняла по-своему.

Г. Б. Когда вы познакомились с супругом, он был еще женат.

В.С. Эрик был на семнадцать лет старше меня, а его жена, актриса Национального театра Ева Врхлицкая, — в свою очередь, на шестнадцать лет старше его. Брак с Евой спас его от отправки в лагерь. Я очень уважала ее за то, как она поддерживала его во время войны, и не хотела стать причиной распада брака, хотя и формального, но все же расстаться с Эриком была не в состоянии.

---

[17] Примечания: 17

Ян Верих (1905–1980) — актер театра и кино, писатель. Представитель чешского межвоенного театрального авангарда. Часто выступал в дуэте с актером и режиссером Иржи Восковцем (1905–1981, наст, фамилия Вахсман) в Освобожденном театре, закрытом в 1938 г. за антифашистские постановки.

Ева вела себя очень тактично, ни разу ни в чем меня не упрекнула.

Г. Б. Со своим вторым мужем и детьми вы несколько лет прожили в писательском замке.

В.С. Сначала мы жили на съемных квартирах. Когда перед рождением третьего ребенка, наконец, поженились, то переселились в замок Добржиш[18]. Я с детьми жила в одной комнате, у Эрика был свой кабинет на другом этаже замка. Я не была важной барыней, быстро подружилась с кухарками и горничными. Каждый вечер в шесть часов могла прийти на кухню, чтобы сварить манную кашу.

Г. Б. Какими были взаимоотношения между писателями в Добржишском замке?

В.С. Все были членами партии и, думаю, в основном хорошо относились друг к другу. Многие выпивали. Ян Дрда[19] охотно развлекал все общество, с удовольствием играл на гитаре. Он страдал, что превратился в объект насмешек. Я знала его еще по Синдикату писателей. Когда он

---

[18] Примечания: 18

Замок в стиле рококо в 40 км к югу от Праги. С 1945 г. использовался как Дом писателей.

[19] Примечания: 19

Ян Дрда (1915–1970) — репортер, прозаик, драматург, в 1948–1952 гг. главный редактор крупнейшей газеты «Лидове новины».

получил пост главного редактора газеты «Лидове новины», предложил мне место редактора в отделе культуры. Однажды я ехала с ним в машине. На Вацлавской площади загорелся красный. Несколько прохожих грязно обругали Дрду. Он чуть не расплакался. Когда ему нужно было идти и с деланой радостью встречать какую-либо делегацию, он всегда напивался. В замке было прекрасно, но оставаться там вечно мы не могли. После того как мой муж получил за переводы Шекспира государственный орден второй степени, мы по дешевке купили дом в Либоце и сделали там дорогой ремонт.

Г. Б. Ваш муж перевел практически всего Шекспира. Наверное, он постоянно был в работе.

В.С. Сначала Эрик был завлитом Национального театра. Его поздние возвращения со спектаклей я переносила с трудом. Поэтому он решил, что займется исключительно переводами. Не раз случалось, что в два часа ночи он вставал, записывал какую-то мысль, а потом утром этого не помнил. Мы были вместе на премьере «Венецианского купца». Эрик изрядно попотел, переводя длинный монолог Шейлока о тяжкой еврейской доле, и ему было любопытно, как это сыграет Зденек

Штепанек[20]. Однако актер весь монолог выбросил, схватился за голову и принялся восклицать «ай-ай-ай». Так он причитал несколько минут. Эрик побледнел — он решил, что спектакль провалился. Но… Штепанек был встречен овацией! Мы потом издевались над Эриком — нельзя требовать от пожилого актера, чтобы тот заучивал такие длинные тексты.

Г. Б. Было ли у него время читать что-то, кроме того, что он переводил?

В.С. Он постоянно перечитывал «Сказки тысячи и одной ночи» по-немецки. Книга вся истрепалась. Как сейчас вижу его за ее чтением. Я вышла замуж за любимого человека и прожила с ним хорошую жизнь. У нас родилось пятеро детей: Владимир, Войтех, Аничка, Йозифек и Франтишек. Йозифек умер от лейкемии, когда ему было пять лет. Я еще повела его записываться в школу, чтобы он порадовался. Мой муж трагически погиб в 63-м году во время отпуска в Болгарии. Утонул. Наши старшие дети это видели. Все приплыли к скале, немного позагорали. Посмотрели на заход солнца. И Эрик якобы произнес: «Боже, боже,

---

[20] Примечания: 20

Зденек Штепанек (1896–1968) — один из самых выдающихся чешских актеров театра и кино, драматург, режиссер, сценарист. Многолетний член труппы Национального театра.

какая красота». Потом все прыгнули в воду, и он сказал детям, чтобы они плыли вперед. Я была на пляже с младшим, восьмилетним Франтишеком. Вдруг на берегу началась суматоха. Какие-то болгарки подбежали ко мне и начали, рыдая, обнимать. В Прагу я вернулась одна с детьми. Каждое утро ходила на вокзал узнавать, привез ли поезд из Софии гроб. Железнодорожники шутили: «Из Софии никого, а вот из Подмоклов нам привезли какого-то лесника, не угодно ли?»

Г. Б. Человеческое бездушие не имеет предела.

В.С. Когда я овдовела, мне было сорок два года, у меня на руках было четверо детей, а еще у нас — после трагических событий в своей семье — жила подруга дочери Анички. К тому же был еще наш дом в Либоце. Вскоре вокруг вдовы с домом начали околачиваться «друзья», которые предпочитали выпивать, а не писать. Это было невыносимо.

Г. Б. Вам помогло тогда, что вы — племянница Кафки?

В.С. Мне нужно было найти хорошее место. Я позвонила Иржи Гаеку[21], работавшему тогда в издательстве «Свобода», и спросила, не взяли бы

---

[21] Примечания: 21

Иржи Гаек (1919–1994) — литературный и театральный критик, историк.

они меня, Он ответил, что постарается узнать. На следующий день позвонил мне: похоже, племянницу Кафки хотят все.

Г. Б. Почему вы не назвали свою дочь Оттилия?

В.С. Я думала об этом. Маму все называли Оттла. А вдруг бы мою девочку одноклассники и друзья дразнили Отилькой[22]? Маму я вспоминаю каждый день. Мне жаль, что мои дети ее не знали. Она была доброй, самоотверженной. Когда к нам в дом, который мы сняли в Плане, на каникулы приехал Франц, мама выделила ему лучшую комнату, а со мной переехала в кухню. Ее сестры и их мужья над ней подтрунивали, мол, мама ведет себя странно. Дядя Поллак любил рассказывать, как однажды вечером он встретил факельное шествие — свояченицу Оттлу с детьми. Мама не успела погулять с нами днем и поэтому вышла вечером, прикрепив к коляске бумажный фонарик.

---

[22] Примечания: 22
От чешского слова «otyly» — толстый, жирный